

АЛАТЫРЬ.

Повѣсть.

I.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше грибы несчетно сидѣли кругомъ алатыря-камня,—тутъ нынче городъ осѣлъ.

И у жителей тѣхъ, видимое дѣло—отъ грибовъ принадлежно, пошло плодородіе—буйное, прямо. Оптомъ, дюжинами крестили ребятъ. Проѣзжая осталась одна только улица: вышелъ указъ—по прочимъ не ѣздить, не подавить бы младенцевъ, въ изобиліи ползающихъ по травкѣ.

И впредь бы подь благословеніемъ Божиимъ городу жить, да вышло такое дѣло: царь турецкій войною пошелъ. Народу побити видимо-невидимо. Пріѣхалъ тутъ изъ губерніи начальникъ и строго-настрога приказалъ: черезъ годъ—была чтобъ тыща младенцевъ, и больше никакихъ. Потому—война.

Алатырцы не выдали: поставили тыщу, да съ гакомъ еще. А начальникъ-то—возьми да и похвали:

— Богатыри. Исполать, моль, вамъ.

Ну, съ глазу, конечно, и съѣлъ. Перестали въ Алатырѣ мужнія жены дѣтей приносить. А еще того хуже: какъ вотъ рыба въ рѣкѣ переводится—такъ перевелись въ Алатырѣ всѣ женихи. И пошло, и пошло неплодіе.

Срамъ обуялъ неслыханный: вѣковуши—въ Алатырѣ, а? Сроду того не бывало. И не то, чтобы какъ, а и въ самыхъ въ первыхъ домахъ: у протопопа соборнаго—разъ, у Родивона Родивоныча, у инспектора—два, у исправника... Ужъ на что исправникъ самъ, и у него на рукахъ—Глафира.

А вѣдь только поглядѣть на Глафиру: ростомъ высошенька, волосъ русый, глазъ сѣрый сверкучій, вся наливная—какъ спѣлая рожь. На роялѣ Глафира можетъ: Касту Диву, Дунайскія Вол-

ны. И такая, поди жъ ты, немужней осталась, не нынче-завтра начнетъ осыпаться.

Цѣлый день въ исправническомъ домѣ кукушкой кукуетъ гулко тоска. А чуть заснѣетъ вечеръ—Глафира къ окну: насупротивъ, черезъ дорогу, номера для прїѣзжающихъ купца Агаркова—не загорится ли тамъ огонекъ?

Будто—загорѣлся. Горбоносый, сѣлъ кто-то къ столу писать. Завтра утромъ, чуть свѣтъ, къ Глафирѣ въ окошко постучить изъ номеровъ половой: „Отъ барина—вамъ письмо“...

И жарко живетъ Глафира всю ночь. Утромъ — нѣту письма. Ну, что-жъ, стало быть, завтра принесутъ.

Долго ли, коротко ли, но только въ одно воскресное утро—изъ номеровъ половой и впрямь заявился съ письмомъ. Запершись въ свѣтелкѣ своей, разорвала Глафира конвертъ, руки тряслись, еле слова разбирала.

„Милостивая государыня. Зная вашу красоту и любезность, осмѣлюсь предложить вамъ...“

— Господи, слава тебѣ!

„...наилучшую рисовую пудру, а также спермацетовые личные утиральники“...

Въ тотъ день Глафира до обѣда ревмя ревѣла. За обѣдомъ на исправника крикнула такъ, что онъ языкъ прикусилъ. Послѣ того усталилась, битый часъ, какъ пришитая, въ клѣтку съ кенаремъ и съ кенаркой глядѣла (выписалъ ей исправникъ изъ Москвы специально). Глядѣла, глядѣла, да вдругъ какъ схватить клѣтку-то эту, да объ полъ ка-акъ шваркнетъ: отъ кенаря съ кенаркой только мокро осталось.

Исправникъ съ исправничихой держали совѣтъ: что такое съ Глафирой? Съ чего дѣвка сбѣсплась?

— Эка штука, пудры ей предложили. Развѣ это инцидентъ?—удивлялся исправникъ. И все свои брюки подтягивалъ, все подтягивалъ: было всегда это у исправника знакомъ душевнаго волненія.

А брюки носилъ исправникъ на ватѣ стеганья: простудливъ былъ очень, сложенія слабаго,—замухрышъ, одно слово. Зато ужъ исправничиха—женщина росту серьезнаго, бурудастая, грудастая, а гласъ у ней—трубный. Какъ крикнетъ на мужа трубнымъ-то гласомъ:

— Да ты что тамъ мямлишь? Инцидентъ, инцидентъ... Какой ты есть градоначальникъ, ежели дочь свою пристроить не избрѣтешь?

Поразмысливъ, Иванъ Макарычъ наверхъ, на исправничиху, поглядѣлъ этакъ гордо:

— Я-то? Не изобрѣту? Очень просто: надо Глафирочку на службу опредѣлить. Съ ритуальной, такъ сказать, цѣлью. Поняла?

Спицей въ головѣ почесала исправничиха.

— А и вѣрно, глядишь. Ума ты палата, Иванъ Макарычъ.

Сказано—сдѣлано. Ходитъ Глафира на телеграфъ—и годъ, и другой. А къ ритуальной цѣли—ни шагъ. Хоть бы такъ, для виду, кто приволокнулся: никого.

Тутъ Иванъ Макарычъ рукою махнулъ на Глафиру, на все—и въ кабинетъ заперся. Ужъ если по правдѣ—такъ только въ кабинетѣ у Ивана Макарыча и была настоящая жизнь. Незабвенные часы проводилъ тутъ Иванъ Макарычъ, здѣсь возникали всѣ великія и многочисленныя его изобрѣтенія: составъ для полнѣйшей замѣны дровъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ; тайна приготавливать не уступающій настоящему искусственный мраморъ; особливый способъ домашнимъ путемъ производить отмѣнные стекла для зрительныхъ трубъ. И, наконецъ, это многообѣщающее открытіе послѣднихъ дней: секретъ печь хлѣбы не на дрожжахъ, какъ всѣ, а на пометѣ голубиномъ, отчего хлѣбы будутъ вкуснѣйшіе и дешевые гораздо. Въ какой-то книжкѣ старинной откопалъ исправникъ этотъ секретъ—и взялся за дѣло.

Иванъ Макарычъ такъ полагалъ: дѣлать—такъ ужъ дѣлать, на широкую руку, а не то чтобы тамъ... Задешево, по случаю, прибрѣлъ восемнадцать пудовъ муки. А тамъ пекаря свои, даровые, арестанты изъ острога. Голубиный—не покупать этотъ амый...

— Пеки, ребята, сыпь въ мою голову!

Пекли калачи, пекли. Таскали арестанты, таскали. Сперва въ кабинетъ. Кабинетъ завалили, вылѣзли въ залъ, подъ рояль, на рояль, на окна. А кругомъ калачей Иванъ Макарычъ гоголемъ ходить.

Въ ту пору исправничиха на богомольѣ была, у Стефана Болыщаго, у прозорливца. Вернулась, калачи увидала, да какъ взвѣстятъ, трубнымъ-то гласомъ:

— Да Господи-Батюшко! Придумалъ вѣдь тоже: на голубиномъ... Весь домъ напугалишь теперь...

— Да ты—на, отвѣдай сперва, а потомъ толкуй.

— Чтобы я, да этакую погань? Да избай меня Богъ, я еще въ своемъ умѣ... И завтра же чтобъ было чисто, хоть за окно. А то, знаешь?

Зналъ Иванъ Макарычъ... Загорюнился, жалко, чай, нещечко

свое кидать вонъ. Эхъ, какъ бы это... Подтянулъ исправникъ свои ватныя брюки разъ и другой.

— Бба-а! А Потифориха-то? А ну, Кошкаревъ, доставь.

Торговала на базарѣ Потифорна, псалтырь читала, всякую боль заговаривала: отъ грызи, отъ срыву, отъ свербежа, отъ глазу, отъ всего облегчить могла, на всѣ руки. На отшибѣ, въ завалищемъ проулкѣ, Потифорну разыскали и мигомъ представили передъ исправника. Отмахнула Потифорна поклонъ поясной.

— Да что, Потифорна, съ доукой къ тебѣ. Калачи, вотъ видишь? Возьмись-ка на базарѣ продай, а ужъ я...

— И-и, отецъ, намъ ли тебѣ не служить? Только молви.

Петръ-Павель рябинникъ минулъ, студеные утренники пошли. Взяла съ собой на базаръ Потифорна съ угольемъ теплымъ горшочекъ. На горшочкѣ томъ сидя, три пятницы калачомъ торговала.

— Э-эхъ, калачи хороши—для спасенія души, по-осеньскіе!

Рядомъ слѣпецъ, съ деревянной баклушей, свою присказку ведетъ:

— Пр-равославные христіанушки, отъ роду-рода-родовъ, отъ вѣку-вѣка-вѣковъ, солнца кра-аснаго...

А зипунъ—чередомъ идетъ, кто съ новой дугой, кто съ лыкомъ, кто съ поросенкомъ—дешевый калачъ закупать.

Черезъ три пятницы пришла Потифорна къ исправнику.

— Такъ, молъ, и такъ, расторговалась вашей милости калачами, ни одного не осталось.

Иванъ Макарычъ ужъ вотъ какъ доволенъ: не для ради денегъ, а для ради чести своей предъ исправничихой.

— Ну, Потифорна, проси, чего хочешь, такъ ты меня ублажила.

— Ужъ коли милость твоя такая, такъ нельзя ли, отецъ, Костюнку мово въ люди бы вывести? Въ чиновники, то-есть. Хорошій онъ малый, да только, вотъ...

— Что—только?

— Къ сочиненіямъ пристрастенъ. Сочиненія, батюшка, все сочиняетъ, и день—и ночь, и сидитъ—и сидитъ, ужъ такое мнѣ горе. Да вотъ, глянь-ка...

Покопалась за пазухой, вытащила Потифорна прошеніе, Костюней сочиненное на случай неизвѣстнаго благодѣтеля.

— Мм... да, скоропись хорошая,—поглядѣлъ исправникъ.

„Прошеніе. Я обладаю естественной любознательностью ко всему ученому міру, въ связи чего рѣшилъ подготовить Себя къ литературной службѣ. И просьба къ помощи, въ виду немѣня аванса прямо посѣщать училищную скамью.

Моя краткая біографія изъ жизни: я воспитанъ въ кругу нѣжныхъ заботъ единственной матери, но не могу отомстить ей тѣмъ же, и хотя бы къ старости лѣтъ ей пожелеть развязно.

Вотъ прискорбный фактъ покинутыхъ сиротъ. Подпись: Константинъ Едыткинъ“.

Походилъ исправникъ, подумалъ. Прошеніе—ничего, забористое, надо бы его, надо...

— Ну, а что, напримѣръ, ежели мы его на телеграфиста приготовимъ, а? Глафира моя, она вѣдь по этой части...

— На телеграфиста? На чиновника?—затряслась Поттифорна.

— Ну да, на чиновника...

И кончить исправникъ слова не успѣлъ, какъ Поттифорна въ ноги—кувыръ. Только и видать: пучёчекъ сѣдыхъ волосъ на затылкѣ да куча старушечьяго темнаго платья. Искусница Поттифорна—поклоны бить.

II.

Поутру на Покровъ нашлась кошка Милка исправницкая. Въ свѣтелкѣ Глафириной Милка лежала теперь, молокомъ кормила своихъ четырехъ младенцевъ. Мурлыкала, жмурилась, вся извивалась Милка, сладко терзаемая четверкой розовыхъ ртовъ.

Такъ это вдругъ пронзило Глафиру, такъ затомилась вся нецѣлованная, такъ запросила грудь касаній нѣжнаго рта, что хоть на стѣну лѣзь. А стѣны—гладкія, нѣтъ ни сучка, ухватиться не за что.

— „А Костя этотъ самый?“ — вспомнила: исправникъ вчера толковалъ про Костю, какъ знать, можетъ онъ...

Загорѣлось Глафирѣ къ Поттифорнѣ ѣхать сейчасъ же. А въ соборѣ еще и обѣдня не отошла, еще только къ достойну звонили.

Для праздника, для Покрова—солнце грѣло чудочекъ. Въ завалящемъ проулкѣ мирно купались куры въ кучахъ назола. Предъ окошкомъ—Поттифорна читала акаенсть Пресвятѣй Богородицѣ.

И вдругъ, неслыханное дѣло—загремѣлъ тарантасъ въ проулкѣ. Ахнули куры, брызнули изъ-подъ копытъ, полетѣлъ со страху на полъ акаенсть.

— Батюшки, барышня исправникова... А домъ не прибрать, а Коська...

Зашныряла въ избѣ, подъ лавку соръ замела, обряжать торопилась Костю въ новый пинжакъ домодѣльный.

— Да руки-то, оголтень, тѣфу... Руки-то суй скорѣй...—и соловьемъ тотчасъ же,—магушка, барышня! Радость-то намъ какая для Покрова... Костюня, иди-ко-сь...

Изъ темнаго угла вышелъ Костя. Скворешня—живая скворешня. На жалостно-тонкой шеѣ—голова чемоданомъ. Чутошный, робкій, озябшій поспикъ. Ротъ растворенъ покорной отъ вѣка—улыбкой.

Нѣтъ, какой ужъ тамъ горбоносый... Какъ, вотъ, неудачный пирогъ опадаетъ—опала Глафира, все стало вразъ постыло: и Костя—постыль, и затхлая клѣтъ, и поклономъ свернутая вдвое съ подносомъ старуха.

— Выкушай, барышня, красавица, старуху уважь...

Глафира пригубила чашку. Что за бурда такая? Не то замазкой, не то хлѣбомъ ржанымъ отдаетъ.

— Это... что же такое?—сморщилась кисло Глафира.

У Потифорны—лицо земляное, ни краснѣть, ни блѣднѣть не можетъ: поземлѣла Потифорна съ обиды.

— Кофій это, матушка, кофій. Для гостя дорогого пять лѣтъ берегла, вотъ оно что. Въ градѣ Воронежѣ, гдѣ Митрофаній угодникъ, сама покупала. Кофій...

Заковыляла къ горкѣ, вытащила кофій драгоценный, сунула банку Глафирѣ. На банкѣ серебряной литерой подпись:

Сей кофій

по пріятности подобенъ ливанскому

но

можетъ быть употребляемъ какъ настоящій.

Засмѣялась Глафира. Смѣхъ—какъ живая вода: красавицей стала, кипенные зубы—какъ снѣгъ, въ снѣгу—алой ягодою губы, рожью—колышется грудь.

Улыбнутый отъ вѣка покорно, Костя глядѣлъ—съ Глафиры глазъ не спускалъ, прикованный сладкой цѣпью.

Въ укладкѣ своей, подъ замкомъ, Костя два года цѣломудренно берегъ тетрадку: ни одинъ живой глазъ не видалъ. Была озаглавлена та тетрадка: „Сочиненія Константина Едыткина, то-есть Моп“.

И пришелъ теперь часъ: безъ колебаній малѣйшихъ—такъ было надо—Костя вынулъ тетрадку и положилъ предъ Глафирой.

— Что это?—удивленно подняла Глафира брови крутыя.

— Со-сочиненія. Вамъ...—глядѣлъ Костя молитвенно.

— Ну, сударь, нѣ-ѣтъ, стишки-то надо оставить. Вотъ, экзамень сдадимъ,—тогда что угодно.

— Хорошо, я не буду,—покорился радостно Костя.

Потифорна только руками развела:

— Ну и ну!... Я его два года урекала,—онъ все сочинялъ. А тутъ на-ко-сь: не буду—съ одного слова...

Заниматься къ барышнѣ исправниковой Костя ходилъ по вечерамъ—съ шести. У Потифорны часы—Богъ ихъ знаетъ: съ той поры, какъ для лучшаго ходу былъ привязанъ къ гирѣ старый утюгъ—что-то лукавить стали часы. И такъ выходило, что Костя до срока забирался задолго.

— Барышня кушаютъ чай, мало-малѣ погодить просили.

Въ темной прихожей садился Костя на стулъ. Шепоткомъ повторялъ про себя урокъ. Кухарка тащила мимо Кости въ кухню самоваръ ведерный. Влѣзала въ прихожую исправничиха темнымъ слономъ. Шарила шубейку на стѣнѣ, — въ сѣни надобно выйти—во тѣмѣ натыкалась руками на Костю.

— Тьфу-тьфу-тьфу! Сгинь, окаянный, сгинь... Да это ты? Ухъ, провались ты совѣмъ... Ну иди ужъ, иди. Фирочка чай отпила.

Костя свѣтлѣлъ и лѣзъ наверхъ, въ свѣтелку къ Глафирѣ.

— Ну?—говорила Глафира сердито, сидя передъ зеркаломъ, къ Костѣ, спиной.

Открыла Глафира: началъ подбрюдокъ у ней наплывать, какъ у исправничихи. Да и то бѣ еще—полбѣды. Бѣда въ томъ, что на подбрюдкѣ, на шеѣ—стала расти борода. Плохой это знакъ: перевалило подъ горку. Съ сердцемъ стригла по одному волоску.

А Костя тачалъ—отъ сихъ и до сихъ. Всѣ уроки онъ зналъ на зубокъ, зубрилъ день и ночь—только чтобъ она головою кивнула: хорошо, молъ.

И только одинъ разъ было: Костя урока отвѣтить не могъ, стоялъ, какъ нѣмырь. Въ тотъ разъ торопилась Глафира въ гости. Въ корсетѣ передъ зеркаломъ сидя, закладывала старинную прическу: вѣнкомъ на головѣ—кругъ русой косы. Держала щипельки въ зубахъ:

— Скажите, пуштъ идетъ, отвѣчаетъ. А то не успѣю...

Костя вошелъ—и свѣту не взвидѣлъ. Зажмурилъ глаза и тотчасъ не стерпѣлъ—открылъ. Опять: кружева и розово-нѣжное что-то, такое, что... Сердце зазябло у Кости, заныло, забылъ всѣ слова и...

— „Некогда тутъ, а онъ какъ...“ — оглянулась Глафира и — разсмѣялась. Поняла.

— Подержите мнѣ, Костя, зеркало. Такъ. А теперь вотъ сюда. Такъ. Ну, спасибо, довольно.

Зеркало ходуномъ ходило. Костя молчалъ...

Назначили Костѣ экзаменъ нарапѣ Успенья. Жарынь стояла. Мужъ развелось нивѣсть сколько. Старушку одну—не владала она руками—такъ изжиляли, что ума рѣшилась старушка.

Трудно заниматься было Костѣ. Весь изсидѣлся,—какъ, вотъ,

бываетъ, изсидится насѣдка: выйдетъ изъ лукошка—и шагу ступить не можетъ. Веснушками Костя зацвѣлъ, голова еще больше стала, обрѣзался носикъ озябшій.

— Что, молодой человекъ, похудаль? Какая-то заѣла болѣзнь?—увидаль какъ-то Костю исправникъ.

— Эк-экзамень,—улыбнулся Костя покорно.

— Э-э, вотъ оно что... Вызволить малаго надо бы...—Поѣхаль Иванъ Макарычъ къ почтмейстеру. Почтмейстеръ—стариканъ тухлявый. Въ отставку выходить къ новому году. Изъ носу сыплетъ табакъ—на бумаги, на письма; все ужъ уменьшительно кличетъ: очечки, телеграммочка, книжечка разносенькая. Такого Ивану Макарычу улестить—велико ли дѣло? И улестилъ.

Скоръ и милостивъ Костѣ экзамень былъ. И часу не прошло—вышелъ Костя свѣтелъ, что новенькій мѣсяць. Вернулся домой—въ фуражкѣ съ желтымъ кантомъ, въ тужуркѣ форменной новой.

Увидала Поттифорна чиновникомъ Костю—въ голосъ какъ вззоетъ да въ землю—кувыръ:

— Сергій Радонеж... угодники вы мои-и! Да разразите же вы меня-а! Чѣмъ я вамъ теперь отплачу-то за Коську?

III.

Бываетъ, что хозяйка слишкомъ любезная—въ чаю стаканъ набутить сахару кусковъ, этакъ, пять: инда поперхнешься отъ сладости. Такъ вотъ и дворянинъ Иванъ Павлычъ—лицо имѣлъ пріятное, очень пріятное: пріятности—всѣ пять кусковъ. Ходилъ Иванъ Павлычъ въ верблюжьей рыжей поддевкѣ, въ сапогахъ высокихъ, при часахъ французскаго золота съ толстой цѣпочкой. И какъ Иванъ Павлычъ—первымъ всегда все зналъ, то принимали его алатырцы именитые очень охотно: тѣмъ и кормился.

Теперь проживаль Иванъ Павлычъ временно (третій мѣсяць) у отца Петра, протопопа соборняго. Очень полюбилъ протопопъ Ивана Павлыча. Каждый день послѣ обѣда садились они на диванъ, именуемый Черное море.

— Ну, Иванъ Павлычъ, давай, братъ, опять поговоримъ отвлеченно.

Отвлеченно—про діавола, стало быть. По этой части протопопъ былъ мастакъ. Въ академіи еще будучи, книгу составилъ: „О житіи и пропитаніи діаволовъ“. Ту книгу Иванъ Павлычъ прочиталь усердно...

— ...А по мнѣ, ваше преподобіе, самые благочестивые—болотные черти, потому—семейно живутъ, неблудно и въ мукахъ рожаютъ дѣтей—заведетъ Иванъ Павлычъ умильно.

— А-а-а, это хохлики называемые...—обрадуется протопопъ, глаза заблестятъ,—шу-устрые этакіе, знаю, у-ухъ...—И видимо, знаетъ досконально: даже покажетъ, какого хохлики росту. И пойдеть, и пойдеть: Ивану Павлычу—только слушай.

Нынче Иванъ Павлычъ огорчилъ протопопа: поговорить отвлеченно не захотѣлъ, приспичило, вотъ, ему къ исправнику тотчасъ послѣ обѣда бѣжать по экстренной надобности.

— Ну, что еще за экстра такая?—поглядѣлъ сердито исправникъ: занимался онъ въ кабинетѣ—оторвали его.

Дворянинъ Иванъ Павлычъ въ рукѣ держалъ книжку, вродѣ паспортной, что ли. Нагнулся къ исправникову уху:

— Почтмейстеръ-то новый... въ Агарковскихъ номерахъ...

— Э-э, ну тебя. Это я вчера еще зналъ.

— Да нѣтъ, Иванъ Макарычъ, я не про то. Прописался почтмейстеръ-то—и представьте...

Взялъ паспортъ исправникъ—и обмеръ: почтмейстеръ-то новый... князь. Форменный... Князь Вадбольскій, женатъ, разведенъ, и княгиня проживаетъ въ городѣ Сапожкѣ, при отцѣ своемъ, протоіереѣ...

Рѣзвымъ игрень-конемъ дворянинъ Иванъ Павлычъ—отъ исправника дальше погналъ. Черезъ часъ—всѣ въ Алатырѣ знали про князя-почтмейстера. Волненіе великое вышло. Ночь мало кто спалъ.

— „Ежели нашъ князь разведенъ и въ самъ-дѣлѣ, то вѣдь... Марьюшка-то наша...“—такія тутъ мысленныя отверзались вершины, что куда ужъ тамъ спать.

На утро у почты—длинный чередъ: вдругъ всѣмъ марки покупать загорѣлось. Пронзенный десятками дѣввыхъ вѣзоровъ—князь шелохнуться боялся. Шелестѣлъ шопотъ; вился кругъ князя:

— Видь-то благородный какой. Печать-то прикладываетъ какъ, а?

— Нѣтъ, ты глянь: побородокъ-то...

А и вѣрно: въ подбородкѣ—вся соль. Такъ—лицо, какъ лицо. Скуластое, желтое, съ зализами лобъ, но подбородокъ...

Очень, конечно, странно—но подбородка-у князя нѣтъ и въ завѣтѣ: губы, усы, а потомъ прямо—юркъ подъ галстукъ, какъ будто оно такъ и надо. И давало это князю видъ какой-то прищуренный, даже, сказать бы, коварный...

Колеи желтѣлись, тлѣли. Надсаживалось воронье по заборамъ: теплынь выкликало. Звонила капель. Пожаловала честная масленница въ Алатырь.

У исправничихи полонъ ротъ хлопотъ: завтра князь-почтмей-

стерь къ исправнику званъ на блины, князя умѣючи надо принять. Съ чѣмъ-то князья блины кушаютъ? Неужь, какъ и грѣшные мы, съ масломъ съ топленымъ, съ яйцомъ, со сметаной, съ припекой, съ снѣткомъ? Нѣтъ ужь, для вѣрности—вѣдущихъ людей бы надо спросить...

— Вотъ что, Иванъ Макарычъ. Ступай-ка ты къ Родивону Родивонычу сейчасъ и все у него прознай, онъ человекъ, вѣдь, вродѣ—придворный. Да зови его на блины: разговаривать-то князя кто будетъ? Да вертайся скорѣй... а то—знаешь?

Исправнику хуже это горькой рѣдки—къ Родивону Родивонычу ѣхать. Съ того самаго года, какъ получилъ Родивонъ Родивонычъ портретъ и собственноручное письмо—зазнался такъ, что житья съ нимъ нѣтъ. И все ладить—въ соборѣ, чтобъ раньше исправника къ кресту подскочить. Этакой, вѣдь, фуфырь.

Смахиваль Родивонъ Родивонычъ на кочета старого, и сноровка такая жъ: насканивалъ все.

— Сме-та-на?—на исправника такъ и наскочилъ, попятился пнда Иванъ Макарычъ.—Про сметану и думать не можете. Фидонъ: сметана. Исключительно: зернистая икра. А на ужинъ: бульонъ, свиная—соусъ пикантъ... и вообще легкое и французское.

Блины тѣ самые были въ четвергъ. Изъ гостей только князь былъ да еще Родивонъ Родивонычъ, инспекторъ. А то все свои. Константинъ Захарычъ-то? Костя-то? Ну-у, онъ за гостя нейдетъ: шляется каждый день,—какой ужь тамъ гость.

Костя сидѣлъ на самомъ концѣ стола, гдѣ стояли запасныя тарелки. Выйдетъ блинъ неудачливъ—съ дырой, пузыремъ, безъ румянца,—сейчасъ его Костя Глафира:

— Ъшьте, ну? Живо...

Костя бралъ, чуть касался ея руки, проколотый сладкой болью—хоронился въ тарелку, безъ счету глоталъ въ сухомятку блины...

Исправникъ—рядомъ съ княземъ сидѣлъ, погибалъ: надо было ему разговоръ начать съ княземъ—и хоть бы одно наверхулось проклятое слово... Всѣхъ лицъ высокихъ исправникъ робѣлъ.

Молчалъ и князь. Почтительно всѣ глядѣли на особенный его подбородокъ—и никто не видѣлъ растерянныхъ князевыхъ глазъ.

...Князь глазами набрелъ, наконецъ, на исправниковъ серебряный погонъ—и пальцемъ ткнулъ радостно:

— А у меня, вотъ, тоже...

— Ага, да-да-да, такъ, такъ,—закиваль, засіялъ исправникъ.

— ...у брата, то-есть, братъ въ Москвѣ приставомъ, четыре тыщи въ годъ, безъ доходовъ.

Пауза, мучительная...

— Кстати, я, вотъ, избобрѣлъ изъ голубинаго...—И осѣкся Иванъ Макарычъ, поймавъ грозный исправничихинъ взглядъ.

— Лучше ужъ, батюшка, ты—Родивонъ Родивонычъ, князю расскажи про собственноручное-то...

Родивонъ Родивонычъ—хозяйкѣ поклонился придворно.

— Да, собственно, не стоитъ... Былъ я на выставкѣ нижегородской. Какъ человекъ культурный... Проѣздъ, вѣдь, отъ насъ—два рубли двадцать... Хожу, значитъ, все очень прекрасно, однимъ словомъ, комъ са. Вдругъ—генераль. Косу взяли поглядѣть—и по пальчику: чикъ. Ну, значитъ, кровь. А я—человѣкъ въ дорогѣ запасливый, ваше сіяесь... Вынулъ изъ кармана: не угодно ли, ваше превосходительство, коллодій? А генераль-то былъ не простой, а можно сказать—вы-со-кая особа! Да вотъ, ваше сіяесь, письмо-то.оказалось при мнѣ слу... случайно...

Прищуренно князь читаль. Глядѣла на него Глафира,—ни-какъ понять не могла: да что же, да что же въ этомъ лицѣ—знакомое—да нѣтъ, не знакомое даже, а вотъ такое...

Съ восьми часовъ вечера сѣздъ начался: везли дочерей—танцовать съ почтмейстеромъ-княземъ. Пуганой звѣрушкой какой-то шмыгнулъ въ уголокъ отецъ Петръ, протопопъ,—мохнатенькій, маленькій, какъ домовой. За отцомъ, въ шелковомъ черномъ, гордо прошла Варвара-протопоповна. Торчали черноспія космы: прибирать волосъ не умѣла—глядѣла Варвара вѣдомой. Загуляли по залу, обнявшись, восемь штукъ Родивонъ Родивонычевыхъ. Сѣлъ за рояль дворянинъ Иванъ Павлычъ—все въ той же верблюжьей рыжей поддевкѣ. Запграль,—зацвѣла, за-вертѣлась вся зала.

Князь у печки одинъ, бокомъ немножко, стоялъ. И на кафелѣ бѣломъ такъ было четко лицо, коварное, безъ подбородка, съ чуть замѣтной горбинкой носъ...

— Горбоносый!—чуть не крикнула вслухъ Глафира. Бросилась къ князю. Тяжело дыша, крѣпко стиснула князеву руку—будто послѣ давней разлуки.

Танцевала Глафира съ княземъ, блаженно закрыла глаза. На стульяхъ у стѣнъ—завидушая дѣвья орава шелестѣла, шептала. Ласково-зло улыбалась Варвара-протопоповна...

— Князь,—наскакивалъ Родивонъ Родивонычъ, какъ кочеть,—съ вами хотятъ быть знакомы... мой, вотъ... Восемь,—конфузливо онъ кончалъ, очень стѣснялся восьми: человекъ онъ—почти что придворный—и вдругъ—восемь!

Падалъ князь, огорошенный градомъ дѣввыхъ именъ и взглядовъ и къ одной—счастливицѣ—наклонялся...

Танцуя, князь наступилъ на хвостъ своей дамѣ. Пришлось выйти изъ круга—какъ разъ это у рояля случилось—и вострымъ своимъ ухомъ услышалъ Иванъ Павлычъ конецъ разговора:

— ...Одеколоны,—вотъ это я очень уважаю. Цикламень, вотъ, и еще... какъ бишь? Корило... корилоспись,—съ трудомъ вспомнилъ князь.

Къ ужину—все доподлинно было извѣстно: что князь—развратникъ, у него—одеколоны, и вообще—человѣкъ онъ таинственный.

— По-ми-луй-те? Гонялъ съ дѣвками цѣлый вечеръ,—что-о-жь это?—съ попрекомъ качались букли сѣдя.

Зато—дѣвщицы въ восторгѣ:

— Семь одеколоновъ, и на всякій день—свой... Ужь видать: настоящій декадентъ (произносится: дѣкадѣнтъ).

За ужиномъ, послѣ сви н ѣ и с о у с ѣ п и к а н ѣ, выпилъ сантуринаскаго исправникъ, посмѣляль и, твердо глядя князю въ глаза, произнесъ, наконецъ:

— Кстати—я изобрѣлъ отмѣнно дешевый способъ производить хлѣбъ...

Князь задумчиво поглядѣлъ на Ивана Макарыча:

— Но что всё изобрѣтенія для народовъ, покуда не будетъ у нихъ общаго языка?

Сказано это было раздѣльно и твердо. Всё разинули рты: языка-а? Ка-акъ? И еще пуще утвердилась таинственность князя.

За ужиномъ, рядомъ съ Глафирой—сидѣла Варвара. За талию обнимала Глафиру, ласково-злыми глазами глядѣла, медовыя рѣчи вела.

А когда у себя въ свѣтелкѣ стала на ночь раздѣваться Глафира—на платьѣ кисейномъ увидала сзади дыру: выхваченъ ножницами изрядный косякъ. Сразу смекнула Глафира, кто. Сердце зашлось отъ злости на Варвару. Можетъ, оттого и заснуть никакъ не могла.

Встала. Приложила къ стеклу къ холодному лобъ. Насупротивъ, черезъ площадь, въ Агарковскихъ номерахъ, теплѣлъ въ окнѣ огонекъ.

Схватила бинокль, прильнула—и вся подъ тонкимъ мадаполамомъ заколыхалась, какъ рожь отъ вѣтра: у стола, раздѣтый, сидѣлъ князь, писалъ. Но что же, что? Ночью, въ три часа. Наверное, завтра придетъ изъ номеровъ половой...

Князь писалъ письмо въ городъ Сапожокъ. Въ правомъ углу на бумагѣ была вытиснена коронка.

„Милая Лѣна. У меня отъ подъемныхъ еще остался 21 руб.

Не надо ли тебѣ? Потому что здѣсь—жизнь очень простая, янца лучшія—18 копеекъ, я скучаю и мнѣ денегъ не надо. Кланяйся Васи, я сердца на него не имѣю, лишь бы ты была счастлива“.

IV.

Костя за ужиномъ не былъ. Сказала ему исправничиха:

— Константишь Захарычъ, ты у насъ свой человѣкъ... Не прогнѣвайся ужъ, стульевъ нехватка.

На нѣтъ—нѣтъ и суда. Ни отнюдь не обидѣлся Костя. Жалко только было отрываться отъ Глафиры; нынче совсѣмъ замѣчательная Глафира была, прямо вотъ... божеская. Ну, тоже и князь,—еще бы на него поглядѣть.

Каждое маніе князя—направилаь Костѣ, каждое слово его ловилъ. А когда про одеколонъ услышалъ,—тутъ Костя восторгнулся ужъ вовсе, закипѣли стихи въ головѣ.

Пришелъ Костя домой—первымъ дѣломъ къ укладкѣ, вынулъ тетрадь—и сразу, съ присѣста, напечатлѣлъ:

„Нашъ новый господинъ почместеръ,

Замѣчательный человѣкъ.

А по мнѣ разъ въ десять

Умиѣ тутъ всѣхъ.

И когда мнѣ представлялся,

То мнѣ рукопожалъ.

Я восхищался;

И навѣкъ его увожалъ“.

Потифорна Костю съ блинами ждала. Мигомъ огонь сварганила въ печкѣ, первый, румяный, блинъ полила сметаной, поставила Костѣ. Сталь, было, нѣкаться Костя: сытъ, моль, довольно.

— Господи-батюшка, не хочеть теперъ у матери ѣсть у родной. Загордился ужъ, а? А не я ли поганца тебя—и въ люди-то, въ чиновники вывела, а?

Не сговорить съ маманей. Съ улыбкой покорной—Костя ѣлъ снова блины, безъ счету: кипѣли еще стихи въ головѣ—до счету ли тутъ было?

А на утро—катался по полу Костя, помиралъ животомъ. На почту не пошелъ: куда ужъ. И все хуже да хуже. Къ прощному дню—обрѣзался Костя, совсѣмъ посинѣлъ. Потифорна на вѣку на своемъ—покойниковъ безъ числа поглядѣла, глазъ наметался. Съ базара пришла, увидала Костю такого—какъ взвоеть. Да скорѣй за отцомъ. Петромъ, христіанской бы кончиной хоть померь-то Коська.

Пока Потифорна ходила—лежалъ Костя одинъ. Умирало въ Алатырѣ солнце, въ окно—билась бабочкой нѣжной заря, печально колоколь плыль, какъ лебедь, надъ заваливающимъ проулкомъ. Въ секунду какую—Костя понялъ, что конецъ и что надо—нужнѣе жизни—Глафиру увидѣть и все ей сказать.

Потифорна вернулась одна, отца Петра не застала дома. И тотчасъ шопотомъ строгимъ велѣлъ Костя маманѣ—къ исправнику сбѣгать и Глафиру позвать.

Пошла Потифорна, какъ не пойти. Хоть слезы утирая, кропалась: нѣтъ бы, за докторомъ или за попомъ, а онъ за вертихвосткой за этой...

И когда увидѣлъ Костя ее возлѣ себя, единую, божескую,—сдвинулся въ немъ какой-то камень столѣтній, и забилъ изъ-подъ камня изъ самой глубины хрустальный ключъ: всего напоилъ, утишилъ, исполнилъ. Тихонько взялъ Костя Глафирину сладкую руку:

— Теперь... я долженъ сказать... Помираю, блиновъ обѣлся... И теперь вотъ... Нѣтъ, не могу я про это сказать словесно...

Отъ жалости сморщившись вся, Глафира сказала:

— Ну, что вы, Костя, зачѣмъ?... Вы вѣдь знаете, что я васъ тоже,—зачѣмъ говорить...

Улыбнулся Костя прозрачно-покорно: теперь—хорошо помереть. Туманомъ Глафира заволоклась, послѣдней ушла отъ Кости. Конецъ, тихо все, сладко—и если-бъ только маманя не брызгала въ лицо водой... Но Потифорна все брызгала: Костя открылъ глаза еще разъ...

Такъ бы, можетъ, Костя и померъ, да втесался тутъ отецъ Петръ—съ баклановкой со своей; баклановка у него такая была—ото всѣхъ болѣзней помѣга. Въ баклановкѣ первое—водка, конечно, лѣкарствамъ всѣмъ мать; а въ водку—красный сургучъ толченый положенъ, да корень-калганъ, да перцу индѣйскаго краснаго же, да еще кой-чего, что въ секретѣ берегъ отецъ Петръ.

Съ огневой ли съ баклановки съ этой, или съ радости просто великой—сталъ Костя помалу живѣть. На крестопоклонной съ постели всталъ: еще вѣтромъ качало, зеленый, длинный—скворешня живая; носикъ Костинъ озябшій—усохъ, еще меньше, жалостнѣй сталъ.

Потифорна первымъ дѣломъ—Костю поперла къ отцу Петру, за баклановку благодарить.

— Ну-ну-ну, чего еще тамъ,—замахалъ отецъ Петръ на Костю,—поговѣй постомъ—вотъ и все. Ну-ну, иди съ Богомъ...

Послѣ обѣдни постовской—усталый, темный мохнатенькій,—

сидѣль протопопъ въ углу, какъ домовою. Нѣсть числа у него въ соборѣ говѣльщиковъ было. Кликали колокола цѣлый день, шель тучей народъ. Съ любострастіемъ мелочи всѣ вспоминали куриныхъ грѣховъ, медленный, мѣшкотный шопоть въ уши лѣзь безъ конца...

Уходилъ протопопъ изъ собора—будто медомъ обмазанъ и вывалианъ весь въ пуху: мѣшается, пристало по всему тѣлу. Одно только спасенье было: придя домой—баклановки выпить рюмку.

Перво-на-перво послѣ той рюмки—туманецъ тончайшій въ глазахъ, все денное, налившее, гинеть. Тихо—не спугнуть бы—пригнувшись, сидитъ отецъ Петръ. А протретъ глаза—и ужъ ясно видитъ, настояще, яснѣе въ сто кратъ, чѣмъ днемъ.

Тотчасъ за окномъ—веселая козья морда киваетъ:

— Здравствуй.

— Ну, здравствуй, ишь ты нынче какой...

Въ такомъ видѣ—любить ихъ отецъ Петръ. Вотъ если зракъ человѣчій они принимаютъ—нашей одежды не любятъ они, больше все голяшомъ—ну, тогда ужъ...

Пріятную бесѣду съ козьею мордой ведетъ отецъ Петръ, пока не заслышитъ: Варвара идетъ. Тотъ—дирака, конечно: въ одноножку, въ прискочку, какъ ребята малые бѣгаютъ, и видно отцу Петру: тряско подскакиваетъ лѣвое его плечо на бѣгу...

А голова у протопопа работаетъ ясно-преясно:

— Не отъ рюмки же это, всякому видно: дѣло не въ рюмкѣ.

Когда подходила Варвара—глазъ не открывая, спрашивалъ протопопъ:

— Это ты, Собачёя?—и явственно видѣль у Варвары зубы злые, собачьи, черно-синюю шерсть.

— Да что-жъ мнѣ съ тобою дѣлать? Опять ты?—кричала Собачёя злая, кусала отца Петра: въ руки, преимущественно, и въ ляжки.

На утро, за чаемъ, заплаканная—говорила:

— Какая я тебѣ Собачёя? Ты что на меня возводишь? Засучивалъ рукавъ отецъ Петръ, показывалъ на рукѣ:

— А это, а это—что?

И глядитъ-не глядитъ Варвара, заладила все свое:

— Знать ничего не хочу, къ доктору надо тебя...

Къ доктору, хмъ... Нѣтъ, тутъ докторъ не свѣдущъ.

Въ великій четвергъ—Варвара въ лоткѣ купалась на кухнѣ, Иванъ Павлычъ по городу шлындаля, сидѣль отецъ Петръ одинъ.

И опять—тотъ же самый пришелъ, коземордый, и никто не мѣшалъ ужъ: всласть наговорился отецъ Петръ. Очень интересныя вещи рассказалъ коземордый и между прочимъ, что у нихъ—распространяться начинаетъ ужъ истинная вѣра, и ужъ онъ, коземордый, по истинной вѣрѣ пошелъ...

Такъ протопопъ обрадовался—просто нѣту и словъ. Вечеромъ, на стояніи, между евангелій, думалъ все протопопъ:

— „Ну, слава Богу, истинная вѣра пошла и тамъ. А то жалко ихъ было—бѣда...“—радостно билъ протопопъ поклоны за вѣру истинную.

И еще одна въ соборѣ курилась къ Богу молитва радостная: Кости Едыткина. Благодарилъ онъ за все огуломъ: и за то, что сподобился онъ таланта—стихи писать; и за чинъ четырнадцатаго класса; и самое главное—за то, что стоялъ онъ рядомъ съ Глафирой.

Въ соборѣ—свѣтъ, свѣчи у всѣхъ. Истоиво страсти протопопъ вычитываетъ. Костя въ новой тужуркѣ, сердце полно. Глаза опустивъ, сладко видѣтъ Глафирину милую руку; наклеивать, какъ и она, мѣтинки на свѣчѣ—евангельямъ счетъ; уколоться украдкой о теплый локоть...

Отъ стоянія несли домой четверговый огонь. Людей въ темноту не видать—только текутъ огоньки. Вотъ уже въ зарѣчѣхъ—свернули въ проулки—загасли. Тихо.

Костя фуражкой свѣчу прикрывалъ. На розстаніи трехъ переулковъ—на Глафиру взглянулъ, замстилось совсѣмъ про свѣчу, и вѣтромъ огонь задуло.

Попросилъ огня у Глафиры. Дрожали руки, долго не могъ попасть. И когда, наконецъ, зажегъ,—сладко сжалось сердце у Кости: предвѣщаньемъ какимъ-то, навѣкъ нерушимымъ, было соединеніе это свѣчей. И огненному знаку—такъ Костя крѣпко повѣрилъ, что, къ Глафирѣ нагнувшись, спросилъ:

— А когда же... свадьба?

Раздумчиво поглядѣла Глафира мимо Кости куда-то, ничего не сказала.

V.

Дворянинъ Иванъ Павлычъ—человѣкомъ довѣреннымъ сталъ у князя: отъ Ивана Павлыча и слухъ тотъ пошелъ, что на Пасхѣ объявить князь свою тайну и всѣхъ пригласить.

— Да къ чему пригласить-то?

— А вотъ, повзгодите маленько, все объяснится,—съ ехидной пріятностью отвѣчалъ Иванъ Павлычъ.

Еле Пасхи дождались. День выпалъ на славу. Съ утра сусальнымъ золотомъ солнце покрыло Алатырь—сталь городъ, какъ образъ престольный. Красный трезвонъ брэнчалъ серебромъ весь день. Зеленъ травъ веселая разстелила сукно торжественной встрѣчи. И напротивъ самыхъ Присутственныхъ Мѣстъ—топтала сукно свинья...

Князь съ визитами ѣздилъ задумчивъ: хорошо бы и правда—въ день такой святое дѣло начать... Но всё разговѣлись усердно, травнички, декохты, наливки, настойки—вездѣ на столахъ: гдѣ ужъ тамъ разговоръ завести серьезный...

Послѣдняя у князя надежда была—на отца Петра: отецъ Петръ способенъ—отъ міра сего вознестись къ возвышенному. Несомнѣнно, способенъ, человѣка по глазамъ—сейчасъ видно...

Такъ разсуждалъ князь, подкатывая на линейкѣ къ отцу протопопу. Откуда ни возмись свинья. Хрюкнула зло на лошадь, лошадь—шарахнулась, лякнулъ зубами князь, чуть усидѣть. Вошелъ къ протопопу разстроень.

— Отецъ по приходу ходитъ,—вышла къ князю Варвара. Повертѣла лампу въ рукахъ, но не зажгла почему-то.

Тутъ только князь примѣтилъ: а пожалуй, вѣдь, поздно. За окномъ—мѣсяць взошелъ, ущербленный, тусменый, узкій. И такимъ увидѣлось небо жутко-пустымъ, такимъ замолкшимъ навѣкъ, что горло схватило, хоть вой...

Молчать было жутко. Съ силой собравшись, князь себя улыбнулъ:

— Я, знаете, къ вамъ на живейномъ ѣхалъ. А на лошадь—свинья кэ-экъ хрюкнетъ... Свиньи у васъ борзья какія.

Варвара молчала, глядѣла въ окно, на мѣсяць.

— ...Все у васъ какіе-то заборы, пустоши, пустоши, собаки воютъ...

Варвара прикрыла руками лицо и странно сползала со стула на полъ. Князь испуганно всталъ.

— Не уходите... Нѣтъ! Нѣтъ!—закричала, забила Варвара.

Такіе у ней были глаза, такая жалость заняла въ князѣ, что не было силъ уйти. Сѣлъ снова на стуль.

— Вотъ, скоро надѣюсь... Начнемъ общеплезную работу,—забормоталъ князь, отвернувшись: стѣснялся глядѣть на Варвару, такіе у ней глаза...

Показалось, что-то трется у ногъ, протопоповъ песь, какъ же онъ со двора... Глянулъ, а у ногъ по полу ползла Собачья-Варвара. Ласково скалила зубы собачьи, глазами молила-молила: „ну если не хочешь, ты хоть ударъ—хоть ударъ“, терлась о ноги...

Охнул князь, отпихнулся, выскочилъ безъ шапки на площадь. Припустился бѣжать... Да нѣтъ, это что-то не то... Оглянулся: въ протопоповыхъ окнахъ темно. Но въ одномъ темномъ, — или это кажется только?—въ темномъ мечется бѣлое—мѣль-лицо...

Красная Горка—свадебный день, а въ Алатырѣ, вотъ, не слышать ни свадебныхъ бубенцовъ, ни весело-печальныхъ пѣсень пропойныхъ.

— Нѣтъ жениховъ, и все тутъ... — князю жалобился исправникъ, сдавая письмо заказное.

— А вы бы ихъ... тово...—поощрили властью отъ Бога данной.

— Я бы радъ, да не знаю, какъ. А то бы—васъ перваго обженить...

— Что-жъ, я... я жениться не прочь, — сказалъ сконфуженно князь, припертый къ стѣнѣ.

Мимоходный тотъ разговоръ, конечно, въ городѣ сталъ извѣстенъ; воспрянули вновь надежды на князя. И когда въ пятницу на Оминой получены были письма отъ князя съ приглашеніемъ собраться на почтѣ къ восьми по самонужнѣйшему дѣлу, такъ всѣ валомъ и повалили: весь именитый Алатырь собрался.

— Господа! По евангелію...—дрогнулъ голосъ у князя,—нѣсть ни эллинъ, ни іудей, ни кто тамъ. Всѣ—одно стадо. А что же мы, господа?

Глянулъ князь строго. Кто-то вздохнулъ сокрушенно.

— Въ стадѣ—развѣ по разному блеютъ? А мы—кто по-каковски, по-своему всякъ. Отсюда и война, и всякая такая дрянь, а ежели бы, какъ стадо... На одномъ на великомъ языкѣ эсперантѣ весь міръ—то настала бы жизнь прекрасная и всеобщая любовь... До послѣдняго окончанія...

— Господи, а мы-то... Мы давно подумывали, богадѣльно, или бы что... И вдругъ, прямо, то-есть, въ самую точку...—растроганный къ князю полѣзь цѣловаться исправникъ.

А за нимъ и всѣ зашумѣли, затѣснились кругъ князя, умилило зарились на него, какъ коты на сметану, съ любострастіемъ лобызали небритую князеву щеку.

Полнехонекъ листъ подписей оказался у князя. Всего больше тутъ было дѣвчихъ именъ. Но отрадно, что оказалась жакда знаній и во многихъ почтенныхъ, немолодыхъ уже людяхъ: записался исправникъ, Родивонъ Родивонычъ, Левинъ — аптекарь, отецъ Петръ—протопопъ, дворянинъ Иванъ Павлычъ. Князь былъ донельзя доволенъ.

Никогда еще въ Алатырѣ не было страднаго лѣта такого. Бывало, вечеромъ лѣтнимъ румянымъ по убожеству всякъ про-

хлаждался. Кто подороднѣй—въ чемъ мать родила подъ яблонькой въ садикѣ квасъ попивалъ; кто поприлежнѣй—надъ омутомъ синимъ сидѣлъ, выуживая склизкихъ вьюновъ; кто посмирнѣй предъ супругой—исправника взять—на крылечкѣ исправникъ чистилъ владимирку-вишню, варенье завтра варить...

Житѣю прохладному—нынче какъ. Какъ отзвонить въ соборѣ восемь часовъ, тутъ какая погода ни будь, соловьи отъ натуги хоть тресни, на учебу надо къ князю идти. И только въ Алатырѣ трое дурныхъ, въ охотку учиться бѣгутъ: Костя Едыткинъ, Глафира исправникова да Варвара еще, протопоповна.

Незмѣнно первымъ на уроки Костя являлся. Ревниво стерегъ онъ сладкое свое мѣсто рядомъ съ Глафирой. Приносилъ тетрадки Глафирины, клалъ отъ себя по правую руку, садился и долго въ тихой темѣ ожидалъ.

— „Глафира—супруга моей жизни, это ужъ нерушимо. А послѣ ней первый человекъ—господинъ почмистеръ, въ связи его международнаго языка. Если стихи пропечатать на международномъ языкѣ, такъ это ужъ будутъ знать во всемъ мѣрѣ“... Хорошо—въ темѣ помечтать...

Къ девяти полыхаютъ всѣ лампы, къ девяти—многолюдна почта, барышень больше всего. Шущуканье, шелестъ шелковыхъ лентъ, миганье зеркальцевъ тайныхъ, зависть змѣиная къ этимъ бѣсовкамъ—къ Глафирѣ да къ Варварѣ: всегда на зубокъ все знаютъ, такъ и чеканятъ.

— Полюбили, некстати больно, науку...

— Зна-аемъ мы науку эту самую, зна-аемъ!

Печальный ходилъ Родивонъ Родивонычъ, жаловался:

— Жизнь-то на старости лѣтъ какіе преподноситъ нюансы... изъ трехъ пальцевъ... Сиди, вотъ, съ тетрадкой. А главное, при моемъ придворномъ почти что званіи... Нѣ-ѣтъ, я брошу.

А бросить—съ княземъ разсоръ на вѣкъ, прощай всѣ надежды. Нѣтъ ужъ, видно, однородныхъ своихъ ради, придется терпѣть...

И крѣпились, терпѣли отцы. Кряхтя, косоурясь на князя, ладил все примоститься поближе къ Глафирѣ, либо къ Варварѣ.

— *Leono esta forta. La denta esta asra...*—громогласно диктовалъ князь и нарочно кралъ окончанія словъ: пусть поупражняются... Свѣтомъ счастливымъ сиялъ изнутри его странный, безподбородочный ликъ: князь святое дѣло творилъ, первосвященникомъ былъ сейчасъ князь. Вотъ еще немножко, лѣтъ десятокъ—другой, и наступитъ всеобщая любовь.

Проходя мимо Ивана Павлыча, князь примѣтилъ:

— „Какой у него хорошій, внимательный взглядъ...“

Внимательнымъ взглядомъ проводилъ Иванъ Павлычъ князя, тотчасъ привсталъ и запустилъ глазами въ тетрадку къ Глафирѣ—Глафира сидитъ впереди:

— Esta—эсъ на концѣ, асга—эсъ на концѣ...—шепталъ Иванъ Павлычъ исправнику.

— Да не слышу же, ч-чортъ! Громче...—кипятился исправникъ.

Но князь повернулся обратно, и вмгъ все гладко и тихо. Нагнулся къ тетрадкѣ исправникъ; какъ урытый—сидитъ Иванъ Павлычъ, съ пріятностью на лицѣ...

VI.

Въ родительскую субботу—Мишка, бывший столяръ, а нынче просто алахарь, по городу съ клеистеромъ бѣгалъ, афиши клеилъ на фонарныхъ столбахъ, на безконечныхъ заборахъ. Крупныя буквы били въ глаза посреди афиши:

А также

извѣстныя англичанки сестры Грѣй.

Изъ губерніи пріѣхали—туманныя картины показывать. Укляняли князя: отмѣнилъ князь урокъ всемірнаго языка, и всѣмъ карагодомъ повалили глядѣть туманныя эти самыя картины.

Какъ-то случилось, отгнали Костю въ проходѣ, и не споманился онъ мѣстечко занять себѣ рядомъ съ Глафирой: съ нею сѣлъ князь, а Костя—позади; дворянинъ Иванъ Павлычъ съ нимъ рядомъ.

Хотѣлъ загорюниться Костя, что Глафира—не съ нимъ, да вотъ не успѣлъ: вылѣзли на полотнѣ, завертѣлись, зажили, залюбили полотняные люди.

...Неслышно, какъ кошка, красавица крадется на свиданье къ маркизу. Сейчасъ вотъ, сейчасъ, на плиту секретную ступить, сейчасъ—ухнетъ плита, глонетъ красавицу глыбъ подземелья...

Костя вскочилъ и рванулся—красавицѣ крикнуть:

— Стой же, провѣлишься тутъ, правѣ держи!

Иванъ Павлычъ осадилъ Костю внизъ за рукавъ. Но это ничего: красавица видѣла, какъ махнулъ ей Костя рукой, миновала проклятое мѣсто.

...И вотъ — вдвоемъ. Долго ей смотреть въ глаза — маркизь, или князь онъ?—и медленно клонятся другъ къ другу, вотъ—близко, вотъ—волосы ихъ смѣшались...

И вдругъ—показалось Костѣ, что вовсе это не на полотнѣ, а Глафира и князь: клонятся, клонятся...

Мреть сердце у Кости, протираетъ глаза: пригласилось только—или...

Но мигнувшій мигъ—не поймать: ярко свѣтятъ ужъ лампы, ждетъ новыхъ людей полатно, Иванъ Павлычъ смѣется:

— Хи-хи, чудородъ-то какой нашъ Костя: съ красавицей полотняной хотѣлъ побесѣдовать... хи-хи.

— Да вѣдь онъ же—поэтъ, поэту—все можно, — заступилась Глафира, о-бокъ князя стояла, близко...

— „Попричилось, пригласилось все, конечно“... — по дорогѣ домой рѣшилъ Костя. Но червячокъ какой-то самомалѣйшій—не слушался словъ, точилъ и точилъ...

Въ ночь на Покровъ пошелъ шапками снѣгъ. Выбѣжалъ Костя утромъ—нѣтъ ничего: ни посылаго, проулка съ кучами золы, ни кривобокой ихней избы. Все бѣлое, милое, тихое—и какая-то нынче начнется новая жизнь? Не можетъ же быть, чтобы стало такъ и чтобы все попрежнему было?

На Покровъ у исправника Костя обѣдалъ. Послѣ обѣда сидѣли въ гостиной. Дворянинъ Иванъ Павлычъ—пошущукался что-то съ Глафирой, взмахнулъ рыжей поддевкой—и къ Костѣ подеѣлъ. Разговоръ съ пріятностью, тонко повелъ:

— Вязъ-то какая прекрасная, а? Прямо талантъ, даръ Божій...—Иванъ Павлычъ любовался салфеткой вязаной.—А-а... вы, говорить,—тоже... тово... пишете?—вернулся онъ къ Костѣ.

— А вы—а вы откуда же...—покраснѣлъ отъ радости Костя.

— Какъ откуда? Про васъ въ журналахъ пишутъ, а вы и не знаете...—и протянулъ Иванъ Павлычъ Костѣ свѣжіи номерокъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Въ самомъ концѣ, послѣ „печатать разрѣшается“, были три неровныя строчки: „Что же касается стихотвореній молодого писателя Едыткина, то таковыя мы считаемъ отнести къ высшей литературѣ“...

Хотѣлъ что-то Костя сказать, но схватило за горло: стоялъ, совершенно убитый счастьемъ. Гдѣ же Костѣ узнать, что напечатаны эти три строчки въ типографіи купца Агаркова по личной Ивана Павлыча просьбѣ?...

Ночью Костя—и спалъ, и не спалъ. Глаза закроетъ—и сейчасъ ему видится: будто онъ надъ епархіей все летаетъ, а епархія—зелененькая и такъ, невеличка, вродѣ, сказать бы, выгона. И машутъ ему платочками снизу: знаютъ всѣ, что летаетъ Константинъ Едыткинъ...

Ну, теперь ужъ, хочешь—не хочешь, надо писать. Предварительно Костя перечелъ еще разъ Догматическое Богословіе—са-

мую любимую свою книгу, потому что все было там непонятно, возвышенно. А потомъ ужъ засѣлъ писать серьезное сочиненіе въ десяти главахъ: довольно стихами-то баловаться.

Писаль по почамъ. Носомъ во снѣ самосильно посвистывала Потифорна. Усачи-тараканы звонко шлепались объ полъ, Въ тишинѣ—металась, трещала свѣча. Въ тишинѣ—свѣчей негоримогорючей Костя горѣлъ. Писаль о служеніи женщинамъ; о любви внѣ предѣловъ, внѣ чисель земныхъ; о восьмомъ вселенскомъ соборѣ, гдѣ возглашенъ будетъ символъ новой вѣры: Богъ-то, вѣдь—женскаго рода... Такъ близко сверкали слова, кажется—только бери. Анъ глядь—на бумагѣ-то злое, другое: ужъ такая мука, такая мука.

Въ вечеръ Михайлова дня—у исправника Костя публично читалъ свое сочиненіе. Блѣдный, какъ мѣль, улыбнутый на вѣки покорно, стоялъ—трепетала тетрадка въ рукахъ. На Глафиру молитвенно поглядѣлъ еще разъ...

— Ну, господа, тише, тише, сейчасъ начинается, — суетился, какъ бѣсъ, Иванъ Павлычъ.

Въ тишинѣ, чуть слышно Костя прочелъ:

— Заглавіе: „Внутренній женскій догматъ божества“.

Неслышно-взволнованно горѣли лампы. Чужимъ голосомъ Костя читалъ. Глядѣла публика въ землю. Скоро стало слышно посвистываніе легкое носомъ исправничихи...

Костя дошелъ до второй главы, самой лучшей и самой возвышенной: о восьмомъ вселенскомъ соборѣ. Голосомъ выше забралъ, вдохновился, сталъ излагать проектъ всеобщей религіозно-супружеской жизни...

Тутъ вотъ и прорвало. Не стерпѣвъ, первымъ фыркнулъ исправникъ, за нимъ—подхватилъ Иванъ Павлычъ, а ужъ тамъ покатились и всѣ—и всѣхъ пуще звенѣла Глафира.

Проснулась исправничиха, брыкнула свой стулъ со страху:

— Да что-жъ это, батюшки, гдѣ загорѣлось-то? — смѣхъ еще пуцій.

...Какъ заяцъ, забился Костя въ запечье, въ спальнѣ исправничкой. Голову, голову-то куда-нибудь, главное, спрятать. Голову спрятать, голову спрятать...

Стариннымъ старушечьимъ сердцемъ, одна пожалѣла исправничиха, одна разыскала, одна утѣшала Костю.

— Да что-жъ это, батюшка, что ты сбѣжалъ-то? Ты думаешь, что? Это вѣдь я, со сна чебурахнулась внизъ головой, надо мной грохотали, старухой, а ты думалъ, что? Экіе гордецы понче всѣ: ужъ сейчасъ на свой счетъ...

Костя голову поднялъ, за соломинку Костя хватался.

— Аль мнѣ ужъ не вѣришь? Я не Иванъ Павлычъ какой-нить, обманывать я не стану.

— Я вѣ-ѣрю...—захлебнулся Костя слезами.

VII.

Вышла больно зима студена, такой полста лѣтъ не бывало. Обманно-радостное, въ радужныхъ двухъ кругахъ, выплывало лдяное солнце. Отъ стыди отъ лютой—наполы треснуль древлій алатырь—камень.

— Ну-у, быть бѣдѣ,—алатырцы крушились.

А пока, до бѣды, застѣли покрѣпче въ мурьяхъ, сновидѣнной жизни еще пуще предались—всякій своей. Исправникъ изобрѣталъ; Родивонъ Родивонычъ—выписалъ „Готскій Альманахъ“ и услаждался; горестно Костя вернулся къ стихамъ; протопопъ отецъ Петръ бесѣдовалъ все съ коземордымъ своимъ; горбоносый горѣла Глафира; проповѣдывалъ князь великій языкъ эсперанто...

Что-то разохлось, разладилось дѣло у князя. Все чаще на почту кучера приходили—съ усамн въ сосулькахъ—князю вручали записки: не могу, молъ, быть на урокъ—по случаю внезапной болѣзни. Вовсе отсталъ Родивонъ Родивонычъ, не стерпѣлъ—исправникъ отсталъ, порѣдѣли ряды дѣвицъ. Понялъ князь, что надѣяться можно только на двухъ: на Глафиру—да еще на Варвару. Вотъ ужъ эти, дѣйствительно, любятъ великій языкъ: такъ и чеканять, такъ и тачаютъ другъ передъ дружкой. Улыбался князь то одной, то другой:

— Отлично, пре-красно...

Глафира и видѣтъ теперь не могла Варвару. Съ улыбкой ласково-злой, черносиневолосая, Собачья-Варвара все лѣзла къ Глафирѣ, обнять норовила. Не стерпѣвъ, сказала однажды Глафира:

— Ты что лѣзешь? Думаешь, я не знаю, кто мнѣ на масляной платьѣ прочекрыжилъ? Зна-аю, голубушка, знаю.

— А я, думаешь, не знаю, какъ ты себѣ бороду на подборюдкѣ стрыгешь? Ште, съѣла?

Съ той поры—ни слова: конецъ. И только при встрѣчахъ, какъ гуси, зловѣще шипѣли...

Послѣ уроковъ усталый расхаживалъ князь. Трудно; охъ, какъ трудно. Но всетаки на одинъ день ближе къ тому празднику, къ той свѣтлой пасхѣ, когда кликнуть всѣ на одномъ языкѣ, запоютъ и обымутъ другъ друга, и кончится старая жизнь...

На полу—окурки, крошки (ученикамъ полагался сигный отъ почтмейстера и чай), шпильки, бумажки. Разсѣянно—князь подымаль, разглядываль. Рожки, росчерки. „Катка, ты дура набитая“. „А я его всетаки обожаю“. Попадались часто записки отца Петра—къ сосѣду его по урокамъ—аптекарю Левину... „А вчерась явился онъ мнѣ тѣлешомъ. Это ужъ пакостно даже глядѣть. Не вѣдомо ли вамъ какое-либо отъ искушеній медицинское средство?“

Но все это такъ, пустяки. А вотъ послѣднее время—въ самомъ дѣлѣ, странныя какія-то записки пошли. Находилъ ихъ князь на своемъ столѣ, подъ подушкой, въ карманахъ: Богъ ихъ знаетъ—какъ тудѣ попадали. Чуть-чуть надушены были записки запахомъ дико-сладкимъ и всегда—на великомъ всемирномъ языкѣ.

— „Mi amas tin, amas, amas—a... a...—amas“,—подъ рядъ безъ конца. Нарочный, изломанный почеркъ.

Подъ секретомъ великимъ—показаль Ивану Павлычу князь. Иванъ Павлычъ кряхтѣль, и безъ луны, и въ луну разглядываль:

— Исправникова Глафирка, голову даю на отсѣченіе. Кому же еще по-эсперанту такъ ловко?

А на завтра—новое князю:

— „Милый, милый—я тебѣ все“...

И конецъ. И молчокъ. Счастливымъ, расхаживаль князь.

— „Милый, будетъ ночь, темно, и самое, самое—все что велишь“...—и конецъ, и ни слова. И запахъ, все тотъ же.

Кто научилъ ее такъ—лукавому знать. Будто, вотъ, въ черномъ тяжеломъ покровѣ—плясала и плясала предъ княземъ. Вдругъ откинула складки—сверкнула на черномъ розово-пѣжно. И конецъ. И колыхнется снова тяжелый покровъ, и манить, и манить глядѣть безъ конца, не мелькнетъ ли еще...

Длиннымъ вечеромъ व्यожнымъ—смотрѣль князь въ узорно-морозныя окна, потихоньку бродилъ межъ деревьевъ серебряныхъ—и все къ одному возвращался: къ несказанному, къ мелькнувшему въ черныхъ складкахъ. Ее—никогда не называль князь: Глафира—какъ Иванъ Павлычъ—а всегда говорилъ: она.

Непримѣтно и плавно—какъ цвѣты расцвѣтають—она изъ Глафиры исправниковой медленно зрѣла—и вотъ, въ декабрѣ, она стала жить самолично, сама по себѣ.

Попрежнему всѣ записки отъ ней—написаны были на эсперанто: получи теперь князь хоть слово отъ ней по-русски—счель бы онъ это противоестественнымъ, былъ бы даже оскорбленъ. По малу связаль ее князь—съ великимъ языкомъ воедино.

Эсперантское всякое слово—теперь сладко князю вдвойнѣ: вѣдъ

это—ея слова. Въ синихъ ея, глубочайшихъ глазахъ—князь знаетъ—плѣненъ отраженно весь міръ. И равно—всѣмъ міромъ владѣеть языкъ эсперанто...

— ..., „Да что—всѣмъ міромъ: всей вселенной. На Венерѣ какой-нибудь, венерическіе тамошніе жители—тоже, поди, эсперанто знаютъ. А какъ же? Обязательно знаютъ“...

Такъ князю мечталось. Вѣдь правда ненужна-скучна, а узорочье лжи такъ заманчиво-сладко. Бывшей правдѣ, княгинѣ, у отца своего, протоіерея, въ Сапожкѣ проживавшей, князь давно ужъ писать пересталъ. Избѣгалъ онъ и Глафиру видѣть съ глазу на глазъ: можетъ, и правда—Глафира пишетъ записки, но не надо это знать...

Вечера просиживалъ дома князь, а за полночь—шелъ гулять. Ночью—думать удобно: пустыя, просторныя, снѣжныя улицы, влекущіе огни лампадокъ въ окнахъ, бродилъ и бродилъ.

...А слѣдомъ за княземъ, тѣнью темной, у стѣнъ, крался Костя. Тѣнью за княземъ слѣдилъ теперь Костя и денно, и ночью: надо узнать навѣрнякъ, что у него съ Глафирой. Хоть самое—хоть самое страшное, да только бы навѣрно. Безъ навѣрнаго—совсѣмъ невтерпежъ. Глафирѣ хоть Костя и вѣрить—какъ же не вѣрить-то, Господи?—но вотъ Иванъ Павлычъ говоритъ, что она...

Дворянинъ Иванъ Павлычъ—добрѣйшей души человѣкъ, но есть за нимъ грѣхъ: медомъ его не корми, только шутку надъ кѣмъ сыграть бы (надъ нимъ-то самимъ—больно много шутили).

Въ прошломъ году—къ Агаркову-гостиннику, къ градскому головѣ, Иванъ Павлычъ подѣхалъ: подпали да подпали амбаръ агарковскій старыи.

— Во-отъ, не вѣрить, чудакъ!—уещалъ купца Иванъ Павлычъ.—Страховыя за амбаръ огромныя, новый-то амбаръ возведешь вдвое ширше...

У Агаркова борода лопатой, а ума не богато: повѣрилъ Ивану Павлычу, запалилъ свой амбаръ. И самое когда это подпаливать сталъ, нагрянули тутъ, раба Божія—подъ бѣлыя ручки да на цугундеръ. Дорого купцу новый амбаръ обошелся: куда тамъ—страховыя. А ужъ кто это начальство увѣдомилъ—Агарковъ про то неизвѣстенъ остался. Самъ Иванъ Павлычъ—повиннаго взялся искать, ну даже и онъ не нашель.

А то вотъ еще съ чиновникомъ Зюньзей случай былъ. Смѣха для—проказникъ какой-то подметное письмо настрочилъ чиновнику Зюньзѣ: такъ, молъ, и такъ, жена-то твоя товѣ... кургузить, а ты, молъ, и ухомъ не ведешь... И на завтра чиновникъ Зюньзя выволокъ молодую наружу и при народѣ честномъ учить ее

сталъ. А народъ—какъ будто былъ повѣщенъ, безъ числа собрался,—ужь было потѣхи!

— ...Да, братъ Костюня, Глафирочкѣ нынче, аминь,—подзуживаль, подталдыкиваль Костю Иванъ Павлычъ,—нынче въ четыре часа пополудни—рѣшительное свиданіе... Чуда-акъ, да вѣдь князь мнѣ записку показываль, какъ же не знать-то? У алатырь-камня свиданіе, и оттуда—ау: самокруткой, да къ князю на почту, такъ-то-съ вотъ.

Костя покорно плелся къ алатырю-камню. Въ сумеркахъ синихъ бродилъ Костя часъ и другой. Тихо сыпался снѣгъ. Тихо точила тоска. Разсѣвшійся наполю темный алатырь—вѣщаль бѣду. Навалился алатырь—сонный медвѣдь, подъ себя подмяль: продыхнуть невозможно.

Никакого свиданія, не приходилъ никто. Позднимъ вечеромъ Костя, замерзшій, на почту тащился: тамъ теперь, въ боковушѣ, жилъ Иванъ Павлычъ.

— Ну что, братъ Костюня, аль никого? Эхъ, ты, Господи, стало быть, ослышался я—это завтра... Эхъ, я какой!

— Это вы нарочно все, Иванъ Павлычъ.

— Это я-то нарочно? Я ему—по дружбѣ, а онъ на-ка: нарочно. Эхъ, Коська, не знаешь ты, какой я есть, Иванъ Павлычъ...

Ставилъ Иванъ Павлычъ бутылку на столъ. Костя пилъ. Бдучимъ дымомъ застилался весь свѣтъ, и въ дыму возникалъ свѣтлый ликъ владычицы сладкой, мучительницы, Глафиры.

Посыпая тетрадку слезами, декламировалъ Костя:

„Въ моей груди—мечта стоитъ,
А милая Глафира—ко мнѣ презреть“...

Выпивши, Костя спалъ, какъ убитый. Но не было покоя и во снѣ. Присыпался все одинъ и тотъ же, несуразный и будто ничего не значащій сонъ: забыль, будто, Костя, какъ его зовуть, забыль—и весь сказъ, и весь страшный сонъ тутъ. Но стономъ такимъ охаль Костя во снѣ, что Потифорна будить его принималась. Оно жалко—будить-то, но слушать стонъ—еще жалче.

VIII.

Господи, да вѣдь нѣтъ ничего проще, какъ изъ обыкновенной холстины—приготовить наилучшее непромокаемое сукно. Удивительно даже, какъ раньше Ивану Макарычу это въ голову не пришло: давно бы двѣсти тысячъ въ банкѣ лежало.

Заперся въ кабинетъ Иванъ Макарычъ и записывать съль, пока не забыль:

— „Для сего надо въ первую очередь изрубить возможно мелко потребное количество высшаго англійскаго сукна. Засимъ колстину намазать клейкимъ составомъ, который содержитъ: во-первыхъ“...

Построилъ Иванъ Макарычъ непромокаемое сукно, и рѣшилъ оказать всенародно великое свое изобрѣтеніе. На святкахъ, на третій день, поназвалъ исправникъ гостей, позажегъ въ кабинетѣ лампы со всего дому. Кошкаревъ, околотокъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, высоко напоказъ — поднялъ мѣшокъ изъ исправникова сукна, полный водою. До того удивительно: держалась вода, какъ въ хорошемъ ведрѣ.

...А на пятой, на послѣдней, минутѣ—сукно-то возьми да и промокни, при честномъ при народѣ. Ахъ ты, сдѣлай одолженіе. Глядитъ на ручки исправникъ—будто ручьевъ никогда не видаль, только ватныя брюки свои подтягиваетъ...

Гости смолчали, никто—ни смѣшинки.

— Вода... неподходящая, должно быть, разная она бываетъ—вода-то,—съ пріятностью сказала Иванъ Павлычъ.

Тутъ ужъ протопопъ отецъ Петръ—не стерпѣлъ, засмѣялся. А ему вѣдь—только смѣяться начать, а тамъ—не уймешь: смѣшливый. Трясется, стоитъ—весь обсыпанъ смѣхомъ, какъ хмѣлемъ, мохнатенькій, маленькій—звонить и звонить...

Исправникъ—инда пополовѣлъ. Дверью хлопнулъ—только его гости и видѣли.

Вышло это на третій день, а на четвертый—продолжались происшествія святочныя. На четвертый день—протопопъ по приходу кончилъ ходить. Изусталый вернулся домой. Пообѣдалъ изрядно, баклановки рюмочку выпилъ, разоблачился—и легъ отдохнуть.

И часу этакъ въ шестомъ—произошло: явился онъ тѣлешомъ, но ужъ въ образѣ женскомъ. Вся та поганая баба была, какъ киноварь, красная и мерзостно такъ вихлялась, что терпѣть—нельзя ни минуты было. Отецъ Петръ—подавай Богъ ноги: выскочилъ вонъ, безъ оглядки, весь въ бѣломъ, бѣжалъ-бѣжалъ...

Человѣка, одѣтаго противозаконно, поймалъ полицейскій возлѣ алатыря-камня. Поймалъ и тотчасъ предоставилъ къ начальству.

И какъ исправникъ былъ еще во гнѣвѣ, то онъ и потребовалъ:

— Паспортъ имѣешь? Ты изъ какихъ это будешь вообще?

— Иванъ Макарычъ, Богъ съ вами, да это я же вѣдь, я...

— Я вижу, что я. Якатъ-то всякій умѣеть. Ты мнѣ подай видъ на жительство...

Кто же съ собой видъ беретъ, убѣгая наважденія дьяволь-

скаго? Нѣтъ ужъ, видно, придется протопопу ночь ночевать въ кутузкѣ.

...Бѣжала гончей Варвара по отцовымъ слѣдамъ. Ворвалась къ исправничихѣ, всполыхнула ее своей жалобой: покатила къ исправничиха протопопа спасать.

— Да ты что же это такое? Съ послѣдняго спятилъ? Въ кутузку—отца своего духовнаго, а? Сейчасъ чтобы лошадь велѣлъ запречь и домой отца протопопа доставить... а то—знаешь?

Въ гостиной, въ углу, Варвара ждала резолюціи. А къ Варварѣ спиной—у окна—закаленѣла Глафира, будто и не видитъ Варвары. Но вошедшей исправничихѣ—явственно слышенъ былъ шипъ гусиный злобѣщій.

Исправничиха надвинулась на Варвару:

— Ты что у меня тамъ съ княземъ ворожишь? Какія такія записки?

— Ваша Глафирка пишетъ—все говорятъ—а я виновата?

— А ну-ка, глянь-ка мнѣ прямо въ глаза, ну-ка, ну...

Но глаза показать не хотѣла Варвара: невѣдомо какъ, проюркнула межъ ногъ слоновыхъ, вильнула хвостомъ—и была такова...

Про записки на великомъ всемірномъ языкѣ, которыя князь отъ нея получалъ, въ самомъ дѣлѣ по городу шель слушокъ, хотя это дѣло князь въ строгомъ секретѣ держалъ, одному Ивану Павлычу только довѣрилъ. А знали—все, даже и это, что она назначала свиданія князю, а князь не ходилъ.

Не ходилъ князь... Жалко было князю рушить взлелѣянный нѣжно обманъ. И знали, что неловко не ходить, знали, что ждала. Но не могъ, не могъ князь, жалко было пойти.

Подъ Крещенье—опять получила записка. Нарочно, чтобъ помучиться сладко, не распечатывалъ князь до звѣзды до вечерней. Распечаталъ—и...

— „Я тебя, проклятаго, цѣлый часъ ждала, на морозѣ-то—думаешь сладко? Тоже, называется—князь... Ну, если завтра не придешь на то же самое мѣсто, вотъ ей-Богу, уйду—и больше ни писать, ничего. Наплевать, не больно нужёнъ-то, хоть будь ты раскнязь“.

И не на великомъ всемірномъ языкѣ ужъ это было, а на грубомъ, земномъ. Это ужъ—не она, она—умерла. Теперь—все равно. Ну что-жъ, можно и пойти, все равно...

Назначено было: въ девять часовъ утра, на каткѣ. Не спалось, вышелъ задолго князь. Огнемъ обманнымъ, лдянымъ солнце горѣло. Пѣли голосами холодными колокола.

Приглядѣвшись получше, почтмейстеръ примѣтилъ: на снѣгу—какъ запахъ—легчайшая алость, румянецъ смертный зари. Вздохнулосъ...

Въ углу на каткѣ—конурка, вродѣ собачьей: грѣлка, а также обитель татарина—держателя катка. На лавкѣ возлѣ конурки—въ валеныхъ калошахъ сидѣла она. Черно-синія космы волосъ, собачьи глаза...

— Варвара Петро...—остолбенѣлъ князь. Бѣжать, бѣжать...

Но глаза—такіе были глаза у Варвары, такъ молила: „Ну, ударь хоть, любимый господинъ мой, ударь“... Не могъ князь уйти, разрушенный весь до тла остался...

Къ водосвятию—медленно, мѣрно въ соборѣ звонили. Готовили всѣ, кто кувшинчикъ, кто чайникъ—ринуться благочестиво къ чану съ святой водой. А Костя, бросивъ свою посуду, во весь духъ бѣжалъ изъ собора: только сейчасъ ему Иванъ Павлычъ сказалъ всерьѣзъ, что на каткѣ—рѣшительное свиданіе у князя съ Глафирой. Нехватало дыханья—хлебаль Костя воздухъ ртомъ, какъ рыба. Сейчасъ... все, конецъ...

И вдругъ, вмѣсто смерти—жизнь: Варвара. Князь и—Варвара, Варвара, вотъ кто. А Глафира...

— Прости, прости, богочтимая,—мчался Костя къ Глафирѣ.

Въ свѣтелку влетѣлъ оголтѣло—и бухъ на колѣни:

— Прости, прости, богочтимая!

Выстригала Глафира передъ зеркаломъ волосы на подбородкѣ: растутъ и растутъ, проклятые... Поглядѣла косо на Костю, на руки, молитвенно сложенные, на слезинки между веспушекъ, на озябшій, жалостный носикъ.

— Ну, чего разнюнился-то?

— ...А на каткѣ-то Варвара съ княземъ, вотъ кто: Варвара,—блаженно, съ закрытыми глазами, Костя стоялъ на колѣняхъ.

Сверкнуло зеркало вдребезги объ полъ:

— А-а, на каткѣ-ѣ? На-ка... Да пусти ты съ дороги, а то...—Костю молитвеннаго отпихнула Глафира и помчалась туда.

Молонья ночью жигнетъ—и все видно ясно: листокъ на дороге, сѣдой волосъ въ вискѣ, соломы вихоръ подъ застрѣхой. Такъ вотъ и Костя сейчасъ: все до капли увидѣлъ...

Домой пришла Потифорна веселая. Говоромъ дробнымъ базарнымъ застрекотала:

— Костюнка-а, происшествіе-то нынче какое, слыхаль? На каткѣ-то?

Костя лежалъ на укладкѣ—голову поднѣлъ.

— ...Поцапались за князя безстыжія, а? Клубкомъ завились,

по катку покатались, ну, срамота-а... Варька, Собачея-то, въ кровь искусала исправникову. Вотъ онъ—князь міра-то сего, дьяволь-то...

Костю вдругъ осѣнило: князь міра сего, вотъ оно что вѣдь. И языкъ этотъ самый его... Всѣхъ погубилъ, всѣхъ опуталъ...

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, Костя всталъ, на цыпочкахъ мимо мамани прошелъ, подмигнулъ ей прехитро—и маршъ на почту.

На почтѣ еще ни души. Одинъ сторожъ Ипатъ—подметалъ полы. Тотъ самый Ипатъ, бѣшеная собака-то какого укусила. Вылѣчиться—хоть вылѣчился Ипатъ, но по сю пору считался опасень, и рисковала держать его только казнѣ.

Нанесъ Костя снѣгу, Ипатъ заругался. Но Костѣ было не до Ипата. Сѣлъ за свой столикъ, взялъ бланкъ телеграфный—и на немъ написалъ письмо. Слова сумасшедше скакали, иныя были—на вѣдомомъ Костѣ одному языкѣ. Но разобрать было можно: открывалъ Костя князю, что онъ, князь—есть дьяволь, князь міра, и подлежить...

Князь міра вошелъ. Сѣлъ за свой столъ, печально-разсѣянъ. Поглядѣлъ на пустое Глафирино мѣсто. Сталъ составлять телеграмму въ городъ Сапожокъ.

Костя молча подалъ князю свое письмо. И когда изумленно князь перевелъ на Костю глаза—Костя взялъ со стола стальную линейку и замахнулся. Князь прикрылъ голову руками, положилъ ее на столъ и покорно, не шевелясь, ждалъ. И такъ стало Костѣ жалко его—хоть онъ и князь міра—и жалко себя, и Глафиру, и весь Алатырь, что выпустилъ онъ линейку изъ рукъ и завопилъ голосомъ смертнымъ:

— Пропали мы, пропали, пропали!

Громыхнула линейка наполь...

Костю вели въ острогъ—окружили толпой: не вырвался бы, убивецъ проклятый. Ну, и народъ же нынче пошелъ... а еще чиновникъ. На князя нашего покусился, а?

Проснулся Алатырь, галдѣлъ, руками махалъ, жилъ во всю, волновался.

— Ты, гляди, Ипатъ, не упусти. Держи его крѣпко,—кричали Ипату, бѣшеному.

— Я крѣпко и то...—и, поглядѣвъ исподлобья, Ипатъ—невзначай будто—сунулъ Костѣ пятакъ: держи, пригодится.

Покорно взялъ Костя пятакъ, улыбнулся стеклянно. Но тотчасъ же руку разжалъ. Такъ и пропалъ Ипатовъ пятакъ: зашатали.

Е. Замятинъ.